

Леонид
85 и со 8 Р

1984 111

ЖИЛА-БЫЛА «казка о том, что на краю света, у черной пропасти, обитает разбойник и леший богатырь Калина. Нет числа годам его долгой жизни, потому как плавал он еще в ладьях Стеньки Разина и будто мог превращаться и в серого волка, и в проливной дождь, и страшным оком смотреть из лесной темноты...

И, конечно же, в тайном, заколдованном месте, где он живет, хранится клад. Отважились деревенские мальчишки Ваня Вихров и его друг Демидка пробраться в тот лесной дом Калины. Петлистая, неведомая тропинка выведет их на лужайку, залитую вечерним, остывающим солнцем, заведет в сумеречный сосновый бор, а затем и на дно чистого овражка. Здесь-то Ване Вихрову и откроется мир, не менее прекрасный, чем сказка, и найдет он свой самый заветный клад:

«Это был всего лишь родничок. Из-под камня в просторстве не больше детской ладони роилась ключевая вода. Порой она вскипала сердитыми струйками, грозясь уйти, и тогда видно было, как вихрились песчинки в ее размеренном, безостановочном беге. Целого века не хватило бы наглядеться на него»...

Этот лесной студенный родничок всему начало: он исток поэтической речки Склани и других рек, что поят и кормят пол-России — леса и поля древней Родины. Он-то и ставит живой водой в судьбе главного героя романа Ивана Вихрова. Лесной, ключевой холодок его чистых струй будет излечивать его от душевных ран, ободряет в одиночестве, множить силы в дни тревог и сомнений.

Здесь, у этого сказочного родника, обнажит свою замутненную душу Грацианский. Со страхом, в судорогах смятения, он вдруг увидел в мускулистых струйках отражение человеческой ясности и чистоты, «...как если бы перед ним билось обнаженное от покровов человеческое сердце». Тогда и возникает Грацианский свою тросточку в горсть родничка, вызвав отчаянный гнев Ивана Вихрова.

Именно здесь, у светлого истока, и разойдутся пути друзей юности. Вихров на долгие годы попадет в тиски этого ловкого и жестокого демагога, никемного пустоцвета, двуликого Януса. Десятилетия «блестящей карьеры» Грацианского — на плечах идущего вперед, подвижника в своем деле, которому дано слышать голос природы.

Впрочем, по Докучаеву, трясут лишь то дерево, которое с плодами. Это и утешает Вихрова.

А сказочный Калина оказался добрым, тихим старичком, и живет он в избушке, похожей на улей, в сосновом бору. Потом мы увидим гибель этого бора по злому, корыстному умыслу купца Кышева, что еще более укрепило в юном герое призывание защитника леса. А пока старый человек водит Ваню Вихрова лесной неизвестностью, и хотя маршруты их меняются, «...но в лесу, как в хорошей книге, всегда найдется непрочитанная страница». Калина и открывает будущему лесоводу тайны леса — «узнавать по росам погоду, а урожай по корешкам лесных трав», как тому учил долговечный народный опыт.

Итак, «Русский лес» — главная книга Леонида Леонова.

В конце романа обозначены даты его создания: январь 1950-го — декабрь 1953 года. Нет секрета в том, что не так много произведений литературы тех лет оставили заметный след. Правда, летом пятьдесят первого года Фадеев поставил последнюю точку в «Молодой гвардии», усилив уже знаменитый роман совершенством новых страниц. А что еще?

Много лет спустя драматург Виктор Розов напишет: «Конечно, «Молодая гвардия» производила сильное впечатление, но общий фон был художественный. Даже такие блистательные мастера, как В. П. Катаев, которого вот уже давно читаю с жадностью и наслаждением, писали в то время весьма вяло».

Выпорхнула наверх бесконфликтность, глухая от благодушия, вся в розовых крапках. Но перелом наступал тогда же, изнутри.

Глубокое дыхание реальной жизни во многом пришло с романом «Русский лес» Леонида Леонова. Климат этой книги оказался как нельзя кстати. С тех пор на судьбу леса мы смотрим и глазами Леонова. Этот роман — тревожное письмо на множестве страниц от имени нового мира. Страницы произведения волнуют и ранят. Повесть временных лет о лесе, у которой и сейчас еще нет благополучного конца.

Создавая «Русский лес», Леонов перечитал все, что говорилось и писалось тогда в лесной науке. Но еще и то, что никто не читал. Через Ивана Вихрова он наделил эту науку человеческой чуткостью, поэтическим вдохновением.

Новаторство романа было настолько очевидно, что в 1957 году Леонид Леонов удостоивается высокой чести — становится одним из первых лауреатов Ленинской премии. Природа всегда была в чести у русской литературы.

Современниками Леонова были такие мастера, как Михаил Пришвин и Константин Паустовский.

Читаешь Пришвина и будто плывешь в лодке извилинами тихой, чистой речки. Лодка то и дело причаливает

к берегу, чтобы мудрый, очарованный странник, одержимый философ, вошел в лес, услышал, как живут, дышат здесь травы и деревья.

Константин Паустовский любил заманивать на острова красоты среднерусской равнины. И даже теперь в Мещерскую сторону, например, неприлично ехать без «компака» Паустовского. Слово этого писателя ясное, уреннее, как воздух нетронутой природы. Бури и грозы бушуют на страницах его книг лишь для того, чтобы потом взойшла радуга — вестница блистающего, золотистого дня в природе и в душах людей.

Однако никогда еще жизнь природы не сближалась так тесно с человеческой историей, как это случилось в романе Леонова. Лес таит в себе лучшие человеческие достоинства, передавая в душу людей красоту и силу. Лес, как и человек, стремится в высоту, к небу. Конечно же, здесь образная, поэтическая символика, но есть в ней прелесть высшей природы. Это — искусство.

Вот каким выглядит русский лес после только что от-

шет статьи, фельетоны, стихи. «Парнишка приятный и всеми нами любимый», — записывал в свой дневник Дмитрий Фурманов. А через несколько лет автор «Чапаева» захочет встретиться с известным писателем Леонидом Леоновым, не ведая, кто он. Какую же радость и удивление испытал Фурманов, когда узнал в писателе Леонове того самого расторопного, «приятного парнишка».

А потом уже великий Горький будет следить за ним любящим, строгим взглядом и спрогнозирует молодому писателю талантливость на всю жизнь.

Горький восхитится сочным, цветным русским языком писателя, леоновской фразой, устремленной в глубины мысли и чувств.

Серьезные идеи, которыми живет Леонов, не выразит разорванным, бессвязным стилем. Леоновское слово впитало народный опыт, замешано на сложных, извилистых судьбах людей, лесов и полей, просвечено далами родной земли.

Вся его жизнь — упорный путь к какому-то высшему, уполноценному результату. При этом никакого шума и треска вокруг себя. Редкая, природная скромность, теплоту которой чувствуешь в характере Ивана Вихрова.

двух враждующих берегов. В когда-то богатом, пустующем доме терпит обиды от своих «братьев» и сварливой хозяйки, а для крестьянских девушек она барышня, чужая, со странным для крестьянского слуха именем — Элен.

Дом живет в страхе, что надвигается революция и быть большому огню. Этот страх передается и Лене. Вот в такое время узнает ее лесничий Иван Вихров. Инстинктом женского сердца она угадывает, что пришел ее избавитель, и, не раздумывая, сразу же решает уйти с ним из ненавистного дома.

Но пройдет несколько лет, и снова темный облик страха наступит Елене. Но причина теперь в другом. Она страдает, что жизнь бежит мимо, а на любовь доброго, хорошего человека она не может ответить таким же беззаветным чувством. Однажды вместе с дочерью Полей Лена уходит из вихровского дома, чуть не словив этим покинутого друга. На родине, работая в деревенской больнице, Елена Ивановна обретет уверенность, людское признание. Настанет час, уйдет в партизанский отряд и в конце романа встречается с Иваном Вихровым на равных — тепло и просто.

Но тайна их разрыва, о которой мать ничего не говорит своей дочери Поле, будет мучить юную романтическую душу.

Поле выпадет в сложном, ветвистом сюжете романа роль своеобразного детектива. И как это случается, розыск идет сначала по ложному следу. Макет жизни отпа, каким его выстроил Грацианский, вызывает в ней недоверие к деяниям ученого Вихрова. Девушка и на фронт рвется, чтобы выправить свою биографию, подвигом искупить «социальные» промахи родителей. Но истина проясняется все более и более, в особенности когда, застав дыхание, слушает она вводную лекцию Вихрова — поэму о лесах (если бы с таким вдохновением встречали студентов во всех вузах страны!).

Отправившись на фронт, Поля доверяет отцу, уже как человеку родной крови, свою мечту о такой жизни, из которой исчезнут ненависть и вражда, в которой будут обитать лишь добро и любовь.

Ее слова — письмо-треугольник с фронта, отправленное полевой почтой в наш день. Это говорит юность, которой выпала доля свершить тяжкий подвиг на войне, отстоять жизнь.

Военные главы романа исполнены правды, выраженной в форме сжатых впечатлений, сильных эпизодов. Гибнут лучшие — историк, комиссар бронепоезда Морщихин, будущая учительница, фронтовая разведчица Варя — подруга, душевная сестра Поли... Поднялась вся страна, все живое на советской земле.

...Поля приходит в райком комсомола в ранний час, когда «начальство» — комсомольский секретарь — «завтракало из бумажки». Фамилия у комсомольского секретаря совсем домашняя: Сапожков.

Он, конечно же, сразу угадал намерение Поли: сколько таких парней и девчат стучались к нему с просьбой немедленно отправить на фронт. Поля открывается, что боится только одного — бесславной смерти, и Сапожков мягко поправляет свою восторженную собеседницу, что больше всего надо опасаться бесславной жизни.

Узнав, что она архитектор, Сапожков доверяет и свои заветные желания: мечтает быть гидростроителем, управлять невозмущенными стихиями.

Как это случается с молодыми людьми, они залезают далеко за горизонты в своих мечтах. Полю даже интересно, что будет через сто лет, на что Сапожков улыбочиво говорит ей, мол, заходи через сто лет, тогда и поговорим...

Упорство Поли, жаждущей подвига, не убывает. Вот она снова идет по комсомольскому адресу. Но вместо Сапожкова ее встречает девушка «с серым лицом судьбы». Поля настаивает, что ей нужно видеть только самого Сапожкова. Тогда, не поднимая глаз от бумаги, девушка сказала: «К сожалению, это совершенно невозможно... Товарищ Сапожков третьего дня убит под Нарофоминском».

Горечь таких страниц потрясает и не забывается.

...Каждая строка романа зовет к справедливости и, как стрелка компаса, показывает, что этот честный мир — наша Родина. Надо сегодня, сейчас, немедленно трудиться, чтобы не скудели ее недра, а северные леса «проливались» дождями на полях Украины, и никогда не носились черные бури над полями, и чистыми глазами смотрелись наши озера и реки в синеве неба.

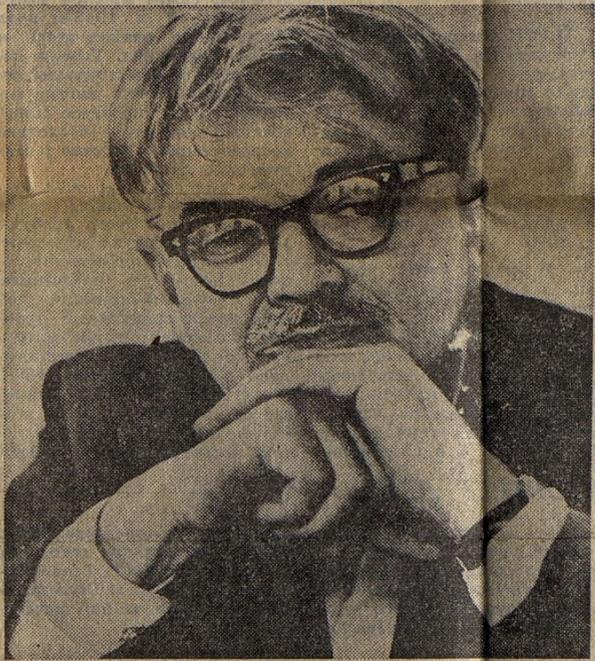
«Природа и человек» — советская литература уже не раз сказала по существу этой проблемы свое веское, честное слово: «Белый пароход», «Грядущему веку», «Царь-рыба», «Прощание с Матерью»...

Открыл этот путь Леонид Леонов «Русским лесом». С годами ни одно слово «Русского леса» не уяло, не поблекло.

Жизнь «магических кристаллов» леоновских страниц ясная, дальняя.

ВЕЧНАЯ КНИГА

«РУССКИЙ ЛЕС»

Выдающемуся советскому писателю Леониду Леонову исполнилось 85 лет

гремевшего, жестокого боя: «...но и деревья здесь выглядели, как люди. Одни лежали навзничь с вырванными корнями, другие же, даже обезглавленные на бегу, еще стремились вон из западни, наклонясь вперед расщепленными стволами, а наиболее рослые и стойкие, сами в глядевшихся обдирах и ранах, казалось, вели куда-то пошатнувшихся товарищей».

Ощущение такое, что смотришь драматическую картину, посвященную солдатскому мужеству и стойкости.

Дело Ивана Вихрова, а, говоря шире, философско-нравственное настроение романа сегодня поднято на уровень народного сознания. Оно оформлено в законы об окрестности леса, рек, воздуха, стало повседневной деятельной заботой газет, кино, телевидения.

Лес — зеленый океан страны — тоже имеет свои горизонты — берега.

Как говорит история устами леоновского героя, лес может разбиться на моря, малые озера и даже исчезнуть в миражах степей и пустынь или упорхнуть, как золотая рыбка, если идти к нему только с топором.

Герой Леонова и живет для того, чтобы никогда не умолкали пениты, веселые волны этого зеленого шума. Как истинного сына своего времени, Вихрова смущает, что со своими идеями и мечтами он не поспевает за темпами социалистических преобразований. В пять-четыре года брались самые крутые вершины: Магнитка, Днепрогос... Этот жаркий пот, накал первых пятилеток передал и Леонид Леонов в своих романах «Соть», «Скутаревский», «Дорога на океан».

А сосновому бору нужно сто лет, чтобы достигнуть зрелости. Занимаясь таким важным делом, как защита и восстановление лесов, он порой испытывает неловкое чувство, «как если бы состоял хранителем Большой Медведицы или смотрителем черноморского пейзажа».

Пронзительной «грацианщины» не стоит большого труда временно убедить общественность в гражданской ненадежности вихровских идей.

Здесь, наверное, необходимо сделать небольшое отступление. Признание к Леонову пришло в считанные годы. В 1921—1922 годах он работает в газете «Красный воин» Московского военного округа, пи-

Встретившись со своими противниками с глазу на глаз, Вихров теряется, настолько очевидным кажется ему то, что он защищает. А кто они, эти «вертокрысы», начетчики, как сказали бы мы, — Вихров не знает. Он только чувствует их нравственную неоправданность. Для него это горло, что человек — это то, что он совершает. Он готов пренебречь любыми неудобствами, когда речь идет о самом важном в его жизни.

Вот он в трудную минуту приходит на дачу к Чердилову — тоже товарищу студенческих лет. Но Чердилов уже не тот юноша, певший «Ноченьку» так, что прохватывало душу. Это всего лишь заурядный бюрократ, провинциальный невежеством и ложью. Он даже не приглашает бывшего товарища в дом и взирает на Вихрова с дачной веранды. Слышно, что за его спиной позвякивает самодовольное, не по заслугам благополучие.

Снова Иван Вихров вроде бы как унижает себя. Он стоит, задрав голову, в предгрозовой духоте, доказывая свою правоту: «Смысл моих знаний, я полагаю, в том, чтоб содержать в порядке лес и сигнализировать народу о всех изменениях в его состоянии».

Но Леонов с таким мастерством выписал эту сцену, что мы видим только Вихрова, причем во весь рост, с предельной ясностью, крупным планом, а сумеречный Чердилов выкрикивает свои угрозы, словно из потаенного грозда.

Вихров договаривает последние слова в этом споре уже под проливным дождем и уходит как человек, достойно исполнивший свой долг.

Эдгар По писал, что нужны четыре условия счастья, как он его понимал: первое — жить в природе; второе — быть любимым; третье — откатываться от честолюбивых планов; четвертое — творить.

Герой Леонова следовал этой «программе». Однако с одним пунктом нашему герою не повезло — в любви. Тут редкий случай, когда он и она без вины виноваты.

Лену, Елену Ивановну — жену Вихрова, трехлетней девочкой оставили у дверей барского дома, сообщив в записочке ее имя и возраст. Так оказывается она между

Иван ЖУКОВ.

ЖИЛА-БЫЛА сказка о том, что на краю света, у черной пропасти, обитает разбойник и леший. богатырь Калина. Нет числа годам его долгой жизни, потому как плавал он еще в ладьях Стеньки Разина и будто мог превращаться и в серого волка, и в проливной дождь, и страшным оком смотреть из лесной темноты...

И, конечно же, в тайном, заколдованном месте, где он живет, хранится клад. Отважились деревенские мальчишки Ваня Вихров и его друг Демидка пробраться в тот лесной дом Калины. Петлистая, невдомая тропинка выведет их на лужайку, залитую вечерним, остывающим солнцем, заведет в сумеречный сосновый бор, а затем и на дно чистого овражка. Здесь-то Ване Вихрову и откроется мир, не менее прекрасней, чем сказка, и найдет он свой самый заветный клад:

«Это был всего лишь родничок. Из-под камня в просторстве не больше детской ладони роилась ключевая вода. Порой она вскипала сердитыми струйками, грозясь уйти, и тогда видно было, как вихрились песчинки в ее размеренном, безостановочном беге. Целого века не хватало бы наглядеться на него...»

Этот лесной студень родничок всему начало: он исток поэтической речки Скляни и других рек, что поят и кормят пол-России — леса и поля древней Родины. Он-то и станет живой водой в судьбе главного героя романа Ивана Вихрова. Лесной, ключевой холодок его чистых струй будет излечивать его от душевных ран, ободрять в одиночестве, множить силы в дни тревог и сомнений.

Здесь, у этого сказочного родника, обнажит свою замутненную душу Грацианский. Со страхом, в судорогах смятения, он вдруг увидел в мускулистых струйках отражение человеческой ясности и чистоты, «...как если бы перед ним билось обнаженное от покровов человеческое сердце». Тогда и вонзает Грацианский свою тросточку в горную родничка, вызвав отчаянный гнев Ивана Вихрова.

Именно здесь, у светлого истока, и разойдутся пути приятелей юности. Вихров на долгие годы попадет в тиски этого ловкого и жесткого демагога, никчемного пустоцвета, двуликого Януса. Десятилетия «блестящей карьеры» Грацианского — на плечах идущего впереди, подвижника в своем деле, которому дано слышать голос природы.

Впрочем, по Докучаеву, трясут лишь то дерево, которое с плодами. Это и утешает Вихрова.

А сказочный Калина оказался добрым, тихим старичком, и живет он в избушке, похожей на улей, в основном бору. Потом мы увидим гибель этого бора по злому, корыстному умыслу купца Кышева, что еще более укрепило в юном герое призвание защитника леса. А пока старый человек водит Ваню Вихрова лесной неизвестностью, и хотя маршруты их меняются, «...но в лесу, как в хорошей книге, всегда найдется непрочитанная страница».

Калина и откроет будущему лесоводу тайны леса — «узнавать по росам погоду, а урожай по корешкам лесных трав», как тому учил долговечный народный опыт.

Итак, «Русский лес» — главная книга Леонида Леонова.

В конце романа обозначены даты его создания: январь 1950-го — декабрь 1953 года. Нет секрета в том, что не так много произведений литературы тех лет оставили заметный след. Правда, летом пятьдесят первого года Фадеев поставил последнюю точку в «Молодой гвардии», усилив уже знаменитый роман совершенством новых страниц. А что еще?

Много лет спустя драматург Виктор Розов напишет: «Конечно, «Молодая гвардия» производила сильное впечатление, но общий фон был худосочный. Даже такие блистательные мастера, как В. П. Катаев, которого вот уже давно читаю с жадностью и наслаждением, писали в то время весьма вяло».

Выпорхнула наверх бесконфликтность, глухая от благодушия, вся в розовых красках. Но перелом наступал тогда же, изнутри.

Глубоко дыхание реальной жизни во многом пришло с романом «Русский лес» Леонида Леонова. Климат этой книги оказался как нельзя кстати. С тех пор на судьбу леса мы смотрим и глазами Леонова. Этот роман — тревожное письмо на множестве страниц от имени нового мира. Страницы произведения волнуют и ранят. Повесть временных лет о лесе, у которой и сейчас еще нет благополучного конца.

Создавая «Русский лес», Леонов перечитал все, что говорилось и писалось тогда в лесной науке. Но еще и то, что никто не читал. Через Ивана Вихрова он наделил эту науку человеческой чуткостью, поэтическим вдохновением.

Новаторство романа было настолько очевидно, что в 1957 году Леонид Леонов удостоивается высокой чести — становится одним из первых лауреатов Ленинской премии.

Природа всегда была в чести у русской литературы.

Современниками Леонова были такие мастера, как Михаил Пришвин и Константин Паустовский.

Читаешь Пришвина и будешь пить в лодке извилистыми тихой, чистой речки. Лодка то и дело причаливает

к берегу, чтобы мудрый, очарованный странник, одержимый философ, вошел в лес, услышал, как живут, дышат здесь травы и деревья.

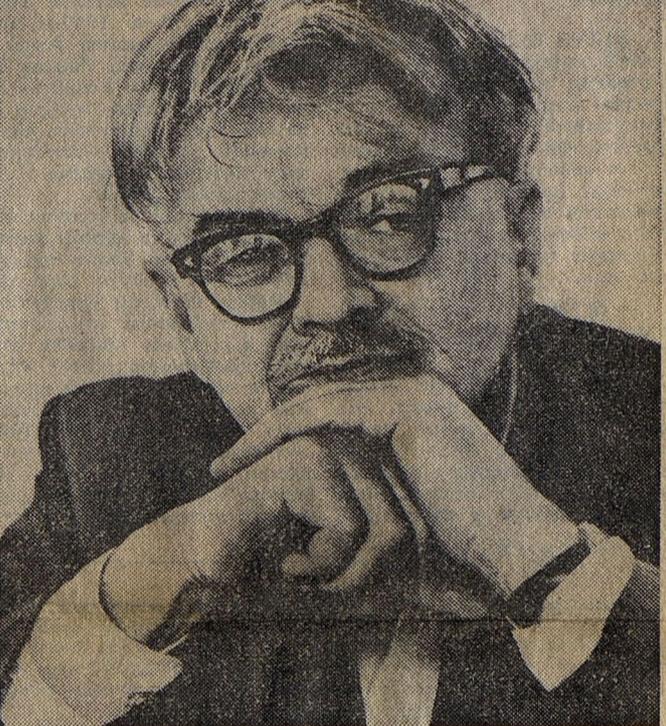
Константин Паустовский любил заманивать на острова красоты среднерусской равнины. И даже теперь в Мещорскую сторону, например, неприлично ехать без «компас» Паустовского. Слово этого писателя ясно, утреннее, как воздух нетронутой природы. Бури и грозы бушуют на страницах его книг лишь для того, чтобы потом вошла радуга — вестница блистающего, золотистого дня в природе и в душах людей.

Однако никогда еще жизнь природы не облизалась так тесно с человеческой историей, как это случилось в романе Леонова. Лес таит в себе лучшие человеческие достоинства, переливая в душу людей красоту и силу. Лес, как и человек, стремится в высоту, к небу. Конечно же, здесь образная, поэтическая символика, но есть в ней прелесть высшей природы. Это — искусство.

Вот каким выглядит русский лес после только что от-

ВЕЧНАЯ КНИГА

«РУССКИЙ ЛЕС»

Выдающемуся советскому писателю Леониду Леонову исполнилось 85 лет

гремевшего, жестокого боя: «...но и деревья здесь выглядят, как люди. Одни лежали навзничь с вырванными корнями, другие же, даже обезглавленные на бегу, еще стремились вон из западни, наклонясь вперед расщепленными стволами, а наиболее рослые и стойкие, сами в глянцевитых обдирах и ранах, казалось, вели куда-то пошатнувшихся товарищей».

Ощущение такое, что смотришь драматическую картину, посвященную солдатскому мужеству и стойкости.

Дело Ивана Вихрова, а, говоря шире, философско-нравственное настроение романа сегодня поднято на уровень народного сознания. Оно оформлено в законы об охране леса, рек, воздуха, стало повседневной деятельной заботой газет, кино, телевидения.

Лес — зеленый океан страны — тоже имеет свои горизонты — берега.

Как говорит история устами леоновского героя, лес может разбиться на моря, малые озера и даже исчезнуть в миражах степей и пустынь или упорхнуть, как золотая рыбка, если идти к нему только с топором.

Герой Леонова и живет для того, чтобы никогда не умолкали пенные, веселые волны этого зеленого шума. Как истинного сына своего времени, Вихрова смущает, что со своими идеями и мечтами он не поспевает за темпами социалистических преобразований. В пять-четыре года брались самые крутые вершины: Магнитка, Днепротес... Этот жаркий пот, накал первых пятилеток передал и Леонид Леонов в своих романах «Соть», «Скутаревский», «Дорога на океан».

А основному бору нужно сто лет, чтобы достигнуть зрелости. Занимаясь таким важным делом, как защита и восстановление лесов, он порой испытывает неловкое чувство, «как если бы состоял хранителем Большой Медведицы или смотрителем черноморского пейзажа».

Пронзливой «грацианщины» не стоит большого труда временно убедить общественность в гражданской ненадежности вихровских идей.

Здесь, наверное, необходимо сделать небольшое отступление.

Признание к Леонову пришло в считанные годы. В 1921—1922 годах он работает в газете «Красный воин» Московского военного округа, пи-

шет статьи, фельетоны, стихи. «Парнишка приятный и всеми нами любимый», — записывал в свой дневник Дмитрий Фурманов. А через несколько лет автор «Чапаява» захочет встретиться с известным писателем Леонидом Леоновым, не ведая, кто он. Какую же радость и удивление испытал Фурманов, когда узнал в писателе Леонове того самого расторопного, «приятного парнишку».

А потом уже великий Горький будет следить за ним любящим, строгим взглядом и спрогнозирует молодому писателю талантливость на всю жизнь.

Горький восхитится сочным, цветным русским языком писателя, леоновской фразой, устремленной в глубины мысли и чувств.

Серьезные идеи, которыми живет Леонов, не выразить разорванным, бессвязным стилем. Леоновское слово впитало народный опыт, замешано на сложных, извилистых судьбах людей, лесов и полей, просвечено далями родной земли.

Вся его жизнь — упорный путь к какому-то высшему уплотненному результату. При этом никакого шума и треска вокруг себя. Редкая, природная скромность, теплоту которой чувствуешь в характере Ивана Вихрова.

двух враждующих берегов. В когда-то богатом, пустующем доме терпит обиды от своих «братьев» и сварливой хозяйки, а для крестьянских девушек она барышня, чужая, со странным для крестьянского слуха именем — Элен.

Дом живет в страхе, что надвигается революция и быть большому огню. Этот страх передается и Лене. Вот в такое время узнает ее лесничий Иван Вихров. Инстинктом женского сердца она угадывает, что пришел ее избавитель, и, не раздумывая, сразу же решает уйти с ним из ненавистного дома.

Но пройдет несколько лет, и снова темный облик страха настигнет Елену. Но причина теперь в другом. Она страдает, что жизнь бежит мимо, а на любовь доброго, хорошего человека она не может ответить таким же беззаветным чувством. Однажды вместе с дочерью Полей Лена уходит из вихровского дома, чуть не словив этим покинутого друга. На родине, работая в деревенской больнице, Елена Ивановна обретет уверенность, людское признание. Настает час, уйдет в партизанский отряд и в конце романа встречается с Иваном Вихровым на равных — тепло и просто.

Но тайна их разрыва, о которой мать ничего не говорит своей дочери Поле, будет мучить юную романтическую душу.

Поле выпадет в сложном, ветвистом сюжете романа роль своеобразного детектива. И как это случается, розыск идет сначала по ложному следу. Макет жизни отца, каким его выстроил Грацианский, вызывает в ней недоверие к деяниям ученого Вихрова. Девушка и на фронт рвется, чтобы выправить свою биографию, подвигом искупить «социальные» промахи родителя. Но истина проясняется все более и более, в особенности когда, забыв дыхание, слушает она вводную лекцию Вихрова — поэму о лесах (если бы с таким вдохновением встречали студентов во всех вузах страны!)

Отправляясь на фронт, Поля доверяет отцу, уже как человеку родной крови, свою мечту о такой жизни, из которой исчезнут ненависть и вражда, в которой будут обитать лишь добро и любовь.

Ее слова — письмо-треугольник с фронта, отправленное полевой почтой в наш день. Это говорит юность, которой выпала доля свершить тяжкий подвиг на войне, отстоять жизнь.

Военные главы романа исполнены правды, выраженной в форме сжатых впечатлений, сильных эпизодов. Гибнут лучшие — историк, комиссар бронепоезда Морщихин, будущая учительница, фронтовая разведчица Вара — подруга, душевная сестра Поля... Поднялась вся страна, все живое на советской земле.

...Поля приходит в райком комсомола в ранний час, когда «начальство» — комсомольский секретарь — «завтракало из бумажки». Фамилия у комсомольского секретаря совсем домашняя: Сапожков.

Он, конечно же, сразу угадал намерение Поля: сколько таких парней и девчат стучались к нему с просьбой немедленно отправить на фронт. После открывается, что боится только одного — бесславной смерти, и Сапожков мягко поправляет свою восторженную собеседницу, что больше всего надо опасаться бесславной жизни.

Узнав, что она архитектор, Сапожков доверяет и свои заветные желания: мечтает быть гидростроителем, управлять невозвуданными стихиями.

Как это случается с молодыми людьми, они залетают далеко за горизонты в своих мечтах. Полю даже интересуется, что будет через сто лет, на что Сапожков улыбаясь говорит ей, мол, заходи через сто лет, тогда и поговорим...

Упорство Поля, жаждущей подвига, не убывает. Вот она снова идет по комсомольскому адресу. Но вместо Сапожкова ее встречает девушка «с серым лицом судьбы». Поля настаивает, что ей нужно видеть только самого Сапожкова. Тогда, не поднимая глаз от бумаги, девушка сказала: «К сожалению, это совершенно невозможно... Товарищ Сапожков третьего дня убит под Нарофоминском».

Горечь таких страниц потрясает и не забывается.

...Каждая строка романа зовет к справедливости и, как стрелка компаса, показывает, что этот честный мир — наша Родина. Надо сегодня, сейчас, немедленно трудиться, чтобы не скудели ее недра, а северные леса «проливались» дождями на полях Украины, и никогда не носились черные бури над полями, и чистыми глазами смотрелись наши озера и реки в синеву неба.

«Природа и человек» — советская литература уже не раз сказала по существу этой проблемы свое веское, честное слово: «Белый пароход», «Грядущему веку», «Царь-рыба», «Прощание с Матерой»...

Открыл этот путь Леонид Леонов «Русским лесом». С годами ни одно слово «Русского леса» не увяло, не поблекло.

Жизнь «магических кристаллов» леоновских страниц ясная, дальняя.

Иван ЖУКОВ.